

Фанерное сердце

Шемякина Ольга

Ольга Шемякина

Фанерное сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68840016

SelfPub; 2023

Аннотация

Автобиографическая повесть об одном месяце жизни в 2022 году в Москве: об освоении с нуля профессии дизайнера-консультанта кухонных гарнитуров, о ночных кошмарах с падением в воронку продаж, о веселой езде на самокате по столичным бульварам, о новых друзьях и вегетарианских кафешках, о том, что у всех нас существуют я-штрихи, и о том, к чему приводит неправильный выбор между свободой и жизнью по правилам.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	51
Глава 11	54
Глава 12	56
Глава 13	58

Ольга Шемякина

Фанерное сердце

Аннотация: Москва, 2022 год. Героиня этой автобиографической повести решает стать дизайнером интерьеров, но попадает на фабрику по производству безликих продавцов мебели. По ночам она падает в воронку продаж и плавает на столешнице по Стиксу, а днем ее оживляет лихая езда на самокате, новые друзья и индийские кафешки.

Имена персонажей изменены, совпадения случайны.

Глава 1

15 июня. Выхожу с учебы в легкой голубой толстовочке. Мурашки бегут по спине и рукам и убегают в ноги. Волнами. Да что ж такое! Вроде бы наконец на улице потеплело, а холод пронизывает с каждым шагом. Над головой – серое брюхо самолета, они каждый день летают, когда я подхожу к метро. Только сегодня кажется, что и от самолета зябко. В метро прихватывает поясницу, почти как было в родах. Закутываюсь в капюшон, но это не помогает. Пока иду к дому, вступает еще и в левое колено. Доползаю как раненый солдат. Горло красное. Голова гудит. Градусник визгливо пищит – 38,5. Приплыли. Или лучше сказать – упали. Вот оно, дно той воронки, в которую я лечу с 16 мая.

Вирус косит меня, и я пожухлым листочком забиваюсь на оранжевый диванчик на кухне, со спинки диванчика на меня смотрят веселые серые лемуры с внимательными темными глазами. Принимаю таблетку «Парацетамола» и отрубаясь. Спозаранку набираю 122. Электронные голоса пытаются меня:

- Вы находитесь в Московской области или в Москве?
- В Москве.
- Одну минуту. Переключаю вас на специалистов.
- Вы находитесь в Московской области или в Москве?
- В Москве.
- Если вы моложе 65 лет и у вас нет хронических заболе-

ваний, посетите дежурного врача в поликлинике.

– Не могу.

– По какой причине вы не можете посетить поликлинику?

– У меня температура 38,5.

– Я вас услышала. По какой причине вы не можете посетить поликлинику?

– У меня озноб, я не дойду.

– У вас слабость?

– Да, блин, у меня слабость.

– Одну минуту, записываю. Диктуйте адрес.

– Улица Новинки.

– Улица Новинки, поселение Десеновское? Вы находитесь в Московской области или в Москве?

– В Москве. Улица Новинки.

– Ааааа, – показываю я горло молоденькому доктору, так укутанному в маскхалат, что я разговариваю то ли с мумией, то ли с облаком. У безликого маскхалат на руке обручальное кольцо и голос откуда-то сверху:

– Вот вам «Арбидол» и список лекарств от кашля, от горла, от насморка, витамины, там все написано.

Он протягивает мне распечатанных листок с рецептами от всего и добавляет:

– И еще я вам выпишу рецепт на антибиотики.

– А можно их не пить?

– Можно, если в течение двух дней вам станет лучше.

Лучше не становится. И я вешаю на холодильник скрипт

лечения от всего и лечу себя и мужа, который ровно через сутки тоже пошел удивлять своей температурой лемуrow на оранжевый диванчик.

Мне снится воронка продаж, и я падаю, падаю, падаю в нее, как Алиса в кроличью нору. Мне снится тренинг по продажам, где мы считали в процентах лидов в ТЦ и в отдельно стоящем мебельном салоне. Лиды падают в воронку продаж и погибают по дороге, а те, кто добрался до низа, превращаются в одного или двух покупателей.

– Покупателей надо что? Покупателей надо любить! Вот основной принцип продаж. И еще запомните: люди покупают у людей. Чтобы что-то продать, надо это полюбить. Если вам не нравится коллекция, то как вы ее продадите? Когда никто не видит, вы подойдите к вашему нелюбимому кухонному гарнитуру поближе и поговорите с ним, спросите: «За что я могу тебя полюбить?» – так учила нас коуч Соня.

Лиды казались мне толпой сперматозоидов, из которых рождаются один или двое неплохих ребятишек. Продавцы мебели тоже казались мне сперматозоидами, но рождаться – не хотелось. Падение в воронку для меня было падением с творческих свободных небес в пропасть плотного телесного мира. Для меня это было спусканием в ад, смертью художника во мне. Ни о каком творчестве во время обучения не возникало и мысли. На мысли не было времени.

Глава 2

В пятницу, 13 мая, всех согласившихся пройти обучение в академии при мебельной фабрике и остаться там на года работать дизайнерами-консультантами добавили в чат «Группа 09» и прислали каких-то ознакомительных ссылок. Что-то там про расписание и саму систему обучения и какое-то там СДО.

– Вы только не затягивайте, обязательно начните заранее, чтобы к первому занятию пройти раздел «Новичок». Там много.

– Ага, – подумала я. – Буду я еще выходные тратить. Посмотрю в воскресенье. Я в принципе быстрая, даже если там много, то не проблема.

И я честно заглянула в эту СДО, Систему Дистанционного Обучения, сильно заранее – утром воскресенья. Выползла из-за ноута в 12 ночи. Это была первая проверка на выживание, первый уход из мира живых, первый отсутствующий выходной. Муж повел ребенка на секцию по гимнастике, потом они сами как-то поели, уложились на дневной сон, вечером поиграли, и уложил ребенка спать тоже муж. Мама резко отключилась от семьи. Маме было интересно проверить себя на прочность.

СДО представляла собой набор слайдов. Слайдов было много. Реально много. Но страшно было не их количество

– весь ужас состоял в том, что слайд с информацией не открывался одновременно. Кусочки текста выезжали один за другим. А список из 30 городов ехал бы, наверное, минуту. Слава богу, слайд можно было прощелкать мышкой. В конце каждого раздела ждал тест. Если не прошел его, то чтобы пересдать, нужно заново листать все слайды раздела! Мама – умная, мама – оптимизатор. Догадалась делать скрины в ворд. В какой-то момент я превратилась в робота-пианиста, играющего тремоло указательным пальцем правой руки. А левая рука выдавала аккомпанемент: Prt Sc – Ctrl+V – Prt Sc – Ctrl+V.

Понедельник выдался невеселый. Пришлось вести ребенка в садик пешком, а не ехать с ним, как обычно, наперегонки: я на самокате, он на беговеле. Но обычно я возвращалась после садика домой, а тут надо было сразу ехать на другой конец Москвы на эту учебу. По дороге к метро прочитала в чате, что было не проходить СДО к сегодня. Вот черт. Ну что ж, прошла так прошла. Доказала самой себе, что могу. В понедельник на обучение пришли не все, кто был в чате. Во вторник не пришла девушка с длинными волнистыми волосами, которая даже не успела прицепить себе обязательный бейджик, и мы не знали ее имени. Во вторник, 17 мая заключили ученический договор двенадцать новобранцев. Мы подписали, что обязуемся после обучения проработать в компании 12 месяцев, а в случае ухода отдать обратно те две стипендии, которые нам обещали выплатить за 1,5 ме-

сяца обучения по результатам нескольких аттестаций. Трочникам обещали 35 тысяч рублей, хорошистам – 40, отличникам – 45. Если не прошел один из этапов СДО – автоматически оплачивают по минимальному баллу.

Мы будто сели в автобус с номером «Группа 09», везущий новобранцев на войну, двери закрылись, и... меня не стало. Вместо меня настала Ольга. Каждый день с 10 до 19 она учила нас, из каких материалов изготавливают фасады, чем отличается шпон от фанлайна, как в программе построить цоколь и карниз и почему надо выписывать проходной щит, если посудомойка стоит справа от модуля под мойку. И я впитывала не только информацию, но и всю ее целиком. За одну неделю она выела из моей жизни мужа, ребенка, родителей и «Добрую Работу» – мою группу по поиску этичной работы «ВКонтакте», которую я все-таки продолжала вести в метро по дороге туда и обратно, в те два часа времени, которые вообще были. Ольга стала большой, властной и теплой матерью, от пугающей близости с которой было не по себе.

– Ольга, а можно вопрос? – пыталась Даша, модная девчушка с дико длинными ногтями, закончившая дизайнерский техникум.

– Нет, все вопросы потом. Мы так не успеем пройти все, что у нас по плану.

– Ольга, у меня все хорошо в проекте, – говорю я, имея в виду, что мне все понятно, объяснять не надо.

– Это я буду решать, хорошо у тебя или нет. Где бейджик?

Она напоминала мне Джона Сильвера из мультика «Планиета сокровищ», в мультике он был наполовину человеком, наполовину киборгом, и человеческий глаз его хитро и добро подмигивал, а глаз киборга просвечивал лазерным лучом. Глаз Ольги попадал в луч проектора и светился веселым дьявольским огоньком. Вообще, наверное, она и была киборгом, потому что во второй день обучения с обеда до вечера таскала нас по трем салонам в двух корпусах торгового центра и ни разу не присела, а все показывала и показывала модели кухонь, которые у них производятся. Чуть ли не первой присела на царственный стул столовой группы Маша, самая юная, самая очаровательная Маша. Потом начали подкашиваться ноги и всех остальных. Садись и прикладывались ко всему, что было рядом – от пластиковых стульев дизайнеров до вычурных выставочных образцов. Мы облакачивались на столешницы, переминались с ноги на ногу, нам всем было тяжело стоять, а Ольга будто и не устала. Может быть привыкла к такому темпу за жизнь. «Мам, ты всю жизнь продаешь табуретки», – говорила ей уже взрослая дочь. И Ольга смеялась над этим. Так оно и было – начинала девчонкой после техникума на производстве, работала и консультантом, и директором салона.

– Ольга, а почему стали преподавать?

– Да вот почувствовала, что это мое. Ко мне еще в молодости все совета приходили спрашивать, вот я решила, почему бы и нет.

Ольга была похожа на добрую, но справедливую родину-мать, а мы на загнанных жеребяточек. И она ласково за-талкивала в нас информацию по продукту, зачастую не отпуская на положенные перерывы:

– Вы же хотите закончить тему? А потом я вас отпущу на перерыв.

Она все пихала и пихала в нас манную кашу знаний, и каждый день лично у меня наступал такой момент, когда казалось, что уже некуда сложнее, что уже предел, и тогда меня накрывало плитой уныния и апатии от того, что не было видно границ нагрузки.

Где-то я читала про эксперимент с крысами, которые то-нули в бассейне с водой через короткое время. А те, которых вынимали, кормили, сушили и давали отдохнуть, потом могли продержаться в воде до нескольких суток. Одной лишь надеждой на спасение. Ольга надежды не давала, и я каждый день тонула.

В программе обучения было заявлено бесплатное питание. По факту нас ждало небольшое фойе без стульев, с кофеваркой и кулером с горячей водой, с пакетиками чая и подсохшими печеньками. А когда мы выходили на обед, нас ждал поднос, прикрытый салфетками. На подносе лежали бутерброды с варено-копченой колбасой. На стенах висели красивые фотографии интерьеров с кухонными гарнитурами фабрики. В общих перерывах мы стояли с другими группами в очереди за кофе или чаем и смотрели по телику ре-

кламу, в которой счастливая семья каждый день была счастлива доставать оливковое масло из гарнитура нашей фабрики и резать овощи на нашей столешнице. Вокруг счастливых многодетных актеров-родителей бегали счастливые белокурые актеры-дети.

В первые дни я была очарована своим светлым будущим. А оно казалось мне непременно светлым. Скоро я буду зарабатывать от 120 тысяч и стану счастливым продавцом счастливых гарнитуров. В общем, поначалу мебельную колбасу я не ела, а продолжала быть вегетарианцем и искать здоровую еду, приносящую мне радость.

Один раз сходила во вьетнамскую кафешку. Бизнес-ланч от улыбающихся вьетнамских тетушек обошелся в 350 рублей. Эх, каждый день такой праздник себе не устроишь.

Второй раз пошла с девчонками в местную столовую. Не диетическое, конечно, но есть можно.

– Вам пюре картофельное полить подливой от тефтелей?

– Спасибо, не надо!

К концу первой недели я стала пить кофе, а ведь кофе я бросила еще год назад после випассаны. То есть я случайно его бросила. Три дня в Подмосковье я провела в молчании и с травяными чаями по утрам. Практики были прекрасны, а вот кофейная зависимость – не очень. И я решила не пить кофе и дальше. Голова трещала неделю, а потом все как рукой сняло.

Здесь же кофе был хоть какой-то морковкой, хоть ка-

ким-то стимулом и удовольствием, и я снова включила этот символ спасительной чашечки кофе в свою жизнь. К концу первой недели я уже закидывалась бутербродом с колбасой на бегу в дальнюю столовую. Там был оранжевый зал и турецкие супчики. Мне из последних сил хотелось красоты вокруг и вкусной еды, все еще приносящей радость. Хотя, конечно, если честно, уже было наплевать на принципы, хотелось просто жрать, спать и помыть наконец голову.

Глава 3

Воронка огромной фабрики по производству кухонь, как пылесос, как человекомешалка, как мясорубка перемалывала двенадцать заблудших душ.

В первый день Ольга, подбоченившись, задорным зычным голосом спросила:

– Есть среди вас те, кто все-таки прошел СДО?

Подняли руку я и Ира.

Ира выглядела отличницей. Она сидела на передней парте, в белой рубашке и аккуратной серой жилеточке. Ире было лет 30. Она ходила с прямой спиной, была холодна как британец, держалась в стороне от других и чаще всего ела еду из контейнеров, принесенных из дома. На наши вопросы она отвечала, но сама задружиться не пыталась.

– Ир, а кем ты работала перед тем, как попасть сюда?

– Я была в декрете.

– О, надо же, как я. А до этого кем работала?

– Я была стюардессой.

– Ого, как интересно.

– А почему не стала туда возвращаться? Надоело?

– Да нет, там было хорошо. Я почти весь мир облетела. Но я летала 10 лет, и здоровье уже не то. Не смогу больше.

На первом ряду сидели еще Настя, Володя и Эдгар.

– Насть, а как ты здесь оказалась?

– У нас с мужем квартира в Видном, и я прямо из окна вижу ТЦ через трассу, рядом со МКАДом. Вот, хочу в нем работать. Напрямки он близко, но придется обходить по надземному пешеходному переходу минут 20. Но все равно близко.

– А до этого ты работала вообще?

– Да, я была агентом по недвижимости.

Настя не из Москвы. У нее светлые волосы в хвостике, она не использует косметику, да ей это и не надо. У нее гладкая кожа и свежий цвет лица, и она похожа на качественно сделанную резиновую куколку со вздернутым носиком и небесного цвета глазами. Настя спокойно и ровно прожила модуль по продукту, впадать в ступор от идиотизма работы по скриптам она стала на продажах. Но это сильно позже, на втором этапе.

Володя напоминал подростка – долговязого, в рытвинках на лице, только седого. У него две дочки, и даже когда он ругается на старшую по телефону, то «мам, тебе даже кошка не верит», как говорит мой сын про меня. Володя – экономист по образованию, но работал только в продажах. Пришел он из «Румера», где продавал столы.

– Да мне, Оль, что столы, что кухни, какая разница, – говорит он, идя со мной в дальнюю столовку по коридору, где глаза наши цепляются то за диваны, то за шкафы, то за детские. – У меня дома постоянный ремонт и нам нужны сред-

ства.

Второй ряд – это мой ряд. Я люблю второй ряд. На первом ты как под обстрелом, а на втором есть возможность выбора: хочешь – спрячешься за спинами впереди сидящих, хочешь – задашь вопрос или ответишь. Рядов нашей аудитории было три, и я бы села на любой, лишь бы к окну. Чтобы золотая клетка не сильно давила, мне нужно было периодически смотреть в окно и видеть там трассу и лес. Лес был настоящий, густой, чистый. Он беззвучно шелестел за стеклом и успокаивал: «Я с тобой, я рядом». А кухни для меня были городом, антиприродой, стружкой тех самых деревьев, которые качали листочками через дорогу. Я сидела на двух стульях, между мирами, и так мне было терпимо.

От стекла шел холод, и в первый день я терпела, во второй сидела в капюшоне, на третий пришла в жилетке, а сзади под спину наострилась класть свой рюкзак горизонтально. А нашей пышной Родине-Ольге все это время было жарко, и она периодически приоткрывала окно.

– Оля, специально для тех, кто мерзнет, повторяю: мы открываем окно, выходим в открытый космос, – подтрунивала она.

– Надеваю скафандр, – отвечала я, надевала капюшон толстовки и, стиснув зубы, продолжала терпеливо ковыряться с программой и ставить в проект чертовы античные колонны с патиной и массивный малофункциональный, но понтовый портал.

Ладно, мне было не так сложно, как Игорю – дяденьке чуть старше меня, лет 50. Игорь был подтянутым, аккуратным, хоть и чуть пожеванным жизнью фотографом. К его рыжей бородке отлично шли и его курточка цвета хаки, и светло-синие облегающие джинсы. Игорь был почемушкой, он задавал Ольге миллион вопросов:

– А если клиент скажет, что ему не нравится мой дизайн?

– А если он захочет то, что мы не можем?

Я так и видела его клиентов. Именно такие бы и пришли к нему, ведь он призывал их своими опасениями. Но не придут, потому что у него ничего не получалось с программой дизайна. Ему помогали ребята и слева и справа, и только слышались отчаянные возгласы:

– Ну где она? Опять потерялась.

Игорь терял мышку. Ему снова помогали, он сильно отвлекал весь второй ряд. На второй день он хотел встать и уйти, не заключая учебный договор, но Ольга мягко сказала ему:

– Игорь, вы не торопитесь, попробуйте еще, ничего страшного не случилось, вы сможете.

И он остался. На третий день он все так же терял мышку, бился с программой и старался делать это тихо, но воздух был наполнен его злостью и отчаянием. На четвертый день он не пришел.

На четвертый день подорвался на mine еще один новобранец – дизайнер интерьеров Владимир. Это был замкнутый

парень средних лет с красным лицом и светлыми глазами. Он носил клетчатые рубашки, бесформенные пиджаки, один раз пришел в свитере Хемингуэя. Он еще больше покраснел, когда мы стали изучать «1С». Он быстрее всех нас освоил KitchenDraw, но плевался и боролся с «1С».

– Ненавижу эту бухгалтерию! – говорил он на перерыве.

Бухгалтерия выиграла битву. Или может Ольга была последней каплей:

– Владимир, вы только на стажировку приходите в опрятном виде.

– А у меня что, неопрятный?

– Ну, у вас может быть что-то не такое мешковатое...

Все мы барахтались в кувшине с мебельным молоком в попытках сбить масло, и каждый подрывался на чем-то своем. Меня бесили расчеты, но спасал интерес к дизайну, а «1С» – это было всего лишь упражнение на усидчивость и терпение. А вот вопрос одежды меня очень сильно беспокоил. В СДО было прописано, что мы обязаны носить на работе белый верх – черный низ. Как-то я подошла в перерыве к Ольге с вопросом:

– На стажировку нам надо будет уже белый верх – черный низ? А то я заказала на «Вайлберрис», но может не успеть приехать.

– Нет, не обязательно.

Она окинула меня критическим взглядом:

– Только, конечно, не в таком виде. Не в кроссовках и не

в джинсах. Найдите что-нибудь приличное, у вас наверняка есть что-то в шкафу. Брючки там, блузку...

Я стояла перед ней в самом своем приличном виде – в молочно-белом свитере оверсайз, в темно-синих джинсах и в любимых черных сетчатых кроссовках с «Алиэкспресса». В единственной своей обуви. Кожаные белые кроссовки пришлось выкинуть, и даже не потому что они протерлись на пятках до дырок, я бы и так носила, а вот то, что пятки от этого стали болеть, – совсем меня разозлило.

Штаны у меня в шкафу лежали либо широченные, либо красные, либо индийские. В этом январе я привезла со Шри-Ланки трое безумно красивых штанов: зеленые, желтые и красные. Блузки было две: зеленая китайская и белая с голубыми перышками, опять же из Шри-Ланки. Две юбки в пол. А все остальное – спортивное: толстовки, футболки, леггинсы.

Это потом я поняла, что не надо так буквально все понимать, ни в СДО, ни в том, что говорит Ольга, а тогда мне казалось непреодолимым препятствием, преступлением против себя вся эта попытка сделать из меня безликого черно-белого бота.

Я сильно переживала за одежду, а стажировка была уже близко. По расписанию у нас стояло: 5 дней занятий – выходные – 5 дней стажировки – выходные – подготовка к аттестации 1 этапа – сама аттестация 1 этапа.

В пятницу нам выдали контакты наших наставников, каж-

дому – из того места, где он будет работать. Я, когда шла на обучение, выбрала «Румер», он ближайший ко мне. Его же выбрали еще пять человек из двенадцати.

– Юлия Владимировна, здравствуйте, вы – наш наставник. Когда вы работаете?

– Я работаю в субботу, воскресенье, понедельник, вторник и среду. Желательно, чтобы вы были в эти дни.

– А можно не во все?

– Можно, тогда будете делать задания самостоятельно, и я не смогу ответить на ваши вопросы.

Я держалась на соплях и держала свои сопли при себе из последних сил. Но от новости, что выходных у меня не будет, в носу стало еще сопливее. Мы с Максом решили выйти в субботу, а девочки – в воскресенье. Я вышла на «Антигриппине». И хорошо, что вышла. Нам достались компьютеры! В «Румере» было три салона от фабрики, но в них работали менеджеры, и свободный компьютер – большая удача. Мне достался компьютер директора салона. И я важно расселась в директорском кресле. В конце дня мне принесли деньги. Клиентка приехала с наличкой. Деньги, конечно, принесли не мне, меня согнали, чтобы подключить там машинку для счета денег. Ничего-ничего, я же не настоящий директор, но все равно приятно.

Глава 4

С Максом было легко, Макс сидел со мной рядом и на учебе. Он был ушастеньким, миниатюрным, бодреньким 38-летним парнем в темно-синем костюме и длинных ботинках.

На перекуре он дымит перед корпусом, я стою рядом и спрашиваю:

– Макс, а где ты до этого работал?

– В «Румере», только на первом этаже. Я кровати продавал. Но у них там что-то бизнес заглох, а у меня ребенок маленький, мне деньги нужны.

– А тебе нравится продавать?

– Не, я купил себе курс по 3D-моделированию в играх, только учиться никак не начну.

Макс включал мне компьютер, когда я опаздывала по утрам к Ольге, и это было так приятно, это была такая маленькая, практически незаметная деталька, которая грела сердце и давала ощущение заботы.

Я любила их всех, моих друзей, стойких оловянных солдатиков, особенно тех, кто пришел со мной в «Румер». За месяц я сильно привязалась к ним. За месяц моя семья стала далекой и чужой, а Карина, Маша и Макс стали родными.

В начале курса солдатиков было двенадцать, к стажировке осталось девять, со стажировки из всех салонов вернулось шесть.

Однажды на стажировку не вышла отличница Ира, а мы-то все думали, что уж она точно останется.

– Ребята, привет. К сожалению, я больше не буду продолжать обучение. Мужу предложили работу в другой стране, и мы всей семьей уезжаем, – написала она в чате «Группы 09».

– Урааа, Ирочка, не представляешь, как я за тебя рада! – закричала в ответ я.

Я действительно была рада, на ее месте хотели бы быть я и мой муж, но пока мы только мечтали. Мечтали страстно и энергично. Мы давно мечтали. Однажды, лет 10 назад, чуть не уехали в Канаду учить английский. Путешествовать, особенно по Азии, нам нравилось всегда, на этой общей ноте мы когда-то и поженились, встретившись на одной кровати в питерской коммуналке.

И еще на первой неделе ушла от нас Вероника. Поскольку я была озабочена тем, кто как одет, то описывала ее мужу так:

– У нас в группе есть одна девушка лет 30, и вот у нее все как надо – черный пиджак, белая база, черные брюки, но брюки такие вытянутые в коленках, будто она ночевала не дома.

Я даже не знала, насколько сильно была права. Вероника ночевала в своей машине.

Она была очень общительной и приятной, со всеми находила общий язык и брала контакты. Она умела слушать и поддерживать беседу на любую тему: со мной поговорила

про искусство, с нашей Ольгой – о чем-то интересном той, с другими – об их интересах. И нам всем казалось, что уж вот кто-кто, а Вероника так умеет цепляться за ниточки, за корешочки, за маленькие возможности, что везде пролезет, просочиться водой, пластилином станет и выживет.

Вероника была лихой тетенькой из Чебоксар с двумя дочками, 13 и 22 лет. Безбашенная, со смелостью, граничащей с безумием, с надеждой на свою удачливость и позитивный настрой, она села за руль своей машины и доехала из Чебоксар до Москвы на одном дыхании. Здесь она то ли за деньги, то ли бесплатно вписалась жить у какой-то женщины. Ей обещали комнату. Ей дали комнату, которая оказалась проходной. Хозяйка стала водить к себе мужчину и просить Веронику переночевать в машине. Вероника два дня так и делала. Ей негде было проходить СДО, тогда она пошла познакомилась с продавцами в салоне, где проходило наше обучение, и стала там работать за компьютером до и после основного обучения, по утрам и вечерам. У Вероники хорошо получалось ладить с программой, и продажами мебели она до этого занималась, из нее получился бы хороший продавец, если бы не замерзла на третью ночь. Собрала она вещи и уехала домой, к детям. С кредитом на машину, без мужа, с долгами за квартплату, с желанием вернуться осенью, потому что наша Ольга обещала ей найти квартиру. Писала, что ходит в Чебоксарах на собеседования и начала таксерить. Сначала было страшно, а потом привыкла.

Милые маленькие сперматозоиды продавцов, падающие в воронку. У всех такие разные судьбы, такие разные дарования, и столько незапланированных случайностей подстерегает нас по пути. Даша с длиннющими ногтями не вернулась со стажировки, потому что заболела. Заболела так сильно, что попала в больницу.

Мы с девчонками делали ставки, кто выживет, а кто уйдет. И не могли угадать. Казалось бы, те, кто больше всех подходил на роль продавца, вылетел из барабана этой стиральной машинки по стиранию личности, а те, кто пришел случайно, – остался.

Карина попала скорее случайно.

– Не хочу больше работать в фарме, – говорила она, перекивая шум вагона метро.

– В фарме?

– Ну да, в фармацевтике. Я и торговым представителем работала, и в аптеке, много где. А сейчас, как события начались, так нас разогнали, осталось у них одно место вместо пяти. Вот сейчас зовут меня обратно на это одно место. А я не хочу. Надоело.

Карина теплая и женственная. У нее карие глаза, широкие скулы и светлые волосы, она покачивает бедрами и говорит низким тягучим голосом. Мы все ржали на продажах, она как вышла к клиенту на тренинге и как сказала: «Добрый день», так клиент, был бы он мужчина, выложил бы ей все свои миллионы. Говори, милая, все равно что, но говори.

Глава 5

Руууумер – какое сладкое слово, какое удивительное волшебное пространство. Я захотела туда еще до того, как попала в воронку. «Румер» – трехэтажный сверкающий мебельный центр, с приятной музыкой и отсутствием толпы, с запахом свежей древесины и обещанием новой, непременно счастливой жизни в этом манящем аромате новенькой мебели. В этих светильниках и диванах заложено самое сказочное будущее, на этих кроватях произойдет зачатие желанных детей, на новеньких кухнях будет раздаваться смех этих детей, а взрослые будут мечтать, сидя за ужином, и стремиться к своим мечтам. Я ехала по эскалатору «Румера» на собеседование и так сильно захотела работать здесь, что стукнула кулаком и чуть ли не в слух сказала: «Я хочу здесь работать!» С таким настроением я пришла к Татьяне, директору салона кухонь. Без опыта, без ничего, на голом энтузиазме.

– У меня нет опыта продаж, но есть желание заниматься именно кухнями. Как символом домашнего очага, как главным местом дома. Мне хочется дарить людям долгие годы счастья и хорошего настроения, здоровья физического и душевного, и не только хозяйки, но и всей ее семьи.

– Ольга, это все прекрасно. И я понимаю еще продажи, скрипты вы освоите, а вот программа, – сомневалась Татьяна. – У нас это Pro100, она сложная, ее нужно долго учить,

а у нас нет времени обучать вас, нам уже готовый человек нужен.

– Я изучала графический дизайн, и как-то справилась с такими сложными программами, как фотошоп, иллюстратор и индизайн. Попробую справиться и с Pro100.

– Вот, смотрите, как должен выглядеть финальный проект, который мы посылаем на фабрику.

Татьяна разложила передо мной кипу распечатанной документации.

– Ну, пока меня не пугает. Я понимаю, что первое время мне будет очень трудно, но теперь я знаю, что умею справляться с трудностями. В прошлом году я вышла из четырехлетнего декрета на фултайм и выжила там, хотя и было сначала очень трудно. Татьяна, давайте сделаем так: я дома посмотрю на нее поближе и тогда более адекватно оценю свои возможности.

– Давайте, Ольга. А я через неделю вам отзвонюсь и решу, приглашать ли вас на второе собеседование.

На этой ноте мы и расстались. Поехали к бабушке в Спасск на майские. Я сижу на заднем сиденье, рядом с ребенком, смотрю обучающее видео про Pro100. Раздается телефонный звонок:

– Здравствуйте, мы нашли ваше резюме на «Хедхантере», вы хотите работать дизайнером-консультантом кухонных гарнитуров?

– Дааа, очень хочу, только у меня нет опыта, я там напи-

сала об этом в резюме.

– Ничего страшного, мы вас всему научим.

– А где мне нужно будет работать? Для меня это важно.

– У нас много салонов. Вас какая станция метро интересует?

– Коломенская.

– У нас есть салон на Варшавке или в «Румере» на Автозаводской.

– А возможно будет работать в «Румере»?

– Да, сейчас там есть свободные места.

– А когда обучение? Я вот прямо сейчас не могу.

– Ближайшая группа 16-го мая. Вы сможете подъехать на предварительное собеседование?

– Нет, к сожалению, я сейчас в отъезде.

– Ничего страшного. Мы можем пообщаться по телефону 13-го числа. Вас записывать?

– Ну давайте, да.

Так я и попала в свою воронку.

Глава 6

Нет, началось все еще раньше. Еще до того, как я попала на эскалатор «Румера» с воплем «хочу здесь работать». Началось все с Джулии Кэмерон и ее книги «Путь художника». Я начала участвовать в челлендже по книге. Нас было 24, и мы собрались в путь, чтобы в едином порыве проходить книгу, 12 недель выполнять задания, писать отчеты по каждой пройденной главе и поддерживать друг друга. Одним из заданий было написать, какие бы жизни вы еще хотели прожить. Я написала, что хотела бы быть еще виолончелисткой, диджеем, преподавателем йоги и дизайнером интерьера. А на следующий день настрочила новое резюме. И сразу же послала его в две компании. Одна отказала сразу, другая пригласила на собеседование в «Румер».

Да нет же, все началось еще раньше. Это резюме на «Хедхантере» было пятым. Первые четыре я сделала в апреле из одного, которое висело там еще с февраля. С того момента, как я начала искать работу.

Вообще я двигаюсь по жизни, вдохновляемая своими штрихами. Людьми, сильно похожими на меня. Это те версии, которыми я могла бы стать или была когда-то. Так, на занятии по соматике и кинезиологии я встретила Ирину. Дело было в апреле. Мы пошли с ней до метро и разговорились. Ирина была такой хрупкой и тоненькой, таким улыба-

ющимися звоночком, немолодым, но журчащим и чистым ручейком в больших очках и с красной губной помадой. И если ее не отвлекать, то она шла и будто бы все время слушала какое-то внутреннее радио. Слушала внимательно, уходила в него глубоко, почти полностью. Но если задать вопрос, то выныривала из своих глубин и отвечала.

– Ира, а ты кем работаешь?

– Я? Редактором, – я чуть не подскочила от неожиданности.

– А где?

– В издательстве.

– Надо же. Я в два издательства подавала резюме, нигде не взяли. А ты филолог?

– Да, образование у меня есть, но релевантного опыта работы нет. Я вообще первый раз попала в издательство.

– А-а-а, через знакомых?

– Нет, через «Хедхантер». Написала резюме, послала, они мне предложили сделать тестовое задание, ну и взяли.

– Без опыта?

– Ну да, я бывший хантер, я работала рекрутером, и я знаю, как написать резюме так, чтобы тебя взяли.

– Ир, а можешь посмотреть мое резюме, что с ним не так? Я тебе вечером пришлю.

– Да, присылай. А в издательстве я первый месяц работаю, еще неизвестно, понравится мне или нет. Или я им не подойду.

– А почему ты не хочешь рекрутером? Хорошая же профессия.

– Там, где я работала, было не очень. Да, денег было много, в один месяц я где-то тыщ 400 получила. Но мне как-то стыдно было получать эти деньги, слишком завышенные ставки у нашего агентства были, я эти деньги слишком легко, будто бы нечестным трудом зарабатывала.

Ире резюме я послала, она сказала, что 4 страницы подробностей читать никто не будет. Надо сокращать и писать вообще по-другому, не перечисляя все свои обязанности, а кратко и только самое важное. Неделю я переписывала резюме и в какой-то момент поняла, что 20 лет работы с текстами ну никак не ужать до читабельного формата. И тогда мой накопленный опыт прекрасно разбился на 4 куска: Пишущий редактор, Копирайтер, Корректор, SMM-менеджер / Администратор сайта. Может, так я найду что-то поинтереснее Правительства Москвы, которое я только и ловила на первое свое резюме. Потому что работала корректором на Мос.ру в 2021 году, вот за меня и взялись разные департаменты.

В марте я ездила на очное собеседование, кажется, в Департамент парковочного пространства. Там было стабильно, тихо и ровно, как на кардиограмме трупа. Трупы обещали платить 60 тысяч на руки и просили каждый день приезжать и читать приказы. «Ничего сложного, главное – внимательность, и вы смотрите на жизнь трезво, у вас ребенок, вам же нужно заботиться о его будущем». Именно! Каждое сло-

во редакторши было правильным, и каждое убеждало меня в том, что я не хочу прожить это будущее здесь. Действительно, у меня ребенок, и мне нужно думать о его будущем. Во-первых, ему нужна живая мама с интересной работой, а не мумия за 60 тысяч, а во-вторых, возможно, ему будет лучше жить в другой стране, по крайней мере более теплой, чтобы хоть как-то облегчить жизнь с аденоидами. В Департаменте не было жизни: в камерке, где проходило собеседование, не было даже окна, только стальная закрытая дверь в какие-то стальные миры, видимо, уводящая в машинное отделение этой бюрократической машины, сортирующей бумажные и электронные документы. А по коридорам без окон сновали маленькие винтики, которые выбрали стабильность.

Когда я ехала на собеседование, вытащила карту из колоды МАК (в прошлом году я между делом закончила курсы арт-терапии и метафорические карты хорошо мне зашли), так вот на вопрос «Что даст мне эта работа?» мне показали карту, где был нарисован веселый дед, летящий на большом чайнике, и хихикающие над ним дети. Трактовка была неоднозначной, можно было ощутить и веселье, и то самое будущее детей, но все-таки больше в этой картинке было абсурда. И ноги не шли на эту работу. Не шли в прямом смысле. Еще в сентябре прошлого года я натерла себе пятку стертими до дыр кроссовками. Пять недель подряд я возила ребенка на занятия с логопедом и нейропсихологом в дневной стационар Центра патологии речи и нейрореабилитации на

Таганке. Ребенок каким-то чудом не заболел за это время, я же болела два раза и под конец занятий заболела так, что не смогла его водить. Кроссовки я выкинула, а вот пятка так и осталась болеть. На память о том, как не надо ходить туда, куда не хочется.

А после собеседования в Департаменте пятка моя заболела так, что я уже со спокойной душой отказалась от работы и побежала куда глаза глядят: к хирургу – на рентген – к ортопеду – принесите рентген из другого филиала – в другой филиал – к ортопеду – к физиотерапевту – на физиотерапию. Уф. 8 фонофорезов облегчили боль, но стопы все равно были не в порядке, и вот так я попала на очный семинар по стопам к нейрофизиологу, семинар назывался «Выстраивание опоры». Там я и встретила свой штрих – Ирину-редактора.

Глава 7

Когда я первый раз шла в «Румер», то слушала свою ногу. Идет? Идет. Не болит? Не болит. Значит, все в порядке. И когда шла на обучение – не болела, и когда на стажировку – не болела. Было в целом тяжело, физически и психически, но ноги чувствовали себя хорошо. Я ходила в субботу, в понедельник, вторник, среду, четверг. Ооо, как я оценила стажировку первого дня, после этого нам не доставались компьютеры, а задания мы делали в разы медленнее за тормозными и громоздкими ноутами. Три девицы за столом в три ноута целый день делали проект по легенде, отсылали коммерческое предложение (самим себе на почту), оформляли заявку на замер и заключали предварительный договор. Рядовало только время обеда.

Мы стайкой выпархивали из «Румера» на улицу и бежали. В первый день, когда еще не было с нами Карины и Маши, мы ходили обедать втроем – я, Макс и наша наставница Юля.

Мы записали ее в телефоне как Юлию Владимировну, а она оказалась Юлечкой. Это был такой цветочек, нежный и юный. Цветочек работал здесь 2,5 года и очень хорошо уже разобрался в теме. Юля была тихой, покладистой, боялась перебивать, умела хорошо слушать и не очень хорошо продавать. Так сложилось, что у всех у нас были маленькие первые дети, у Юли и Макса – шестилетки, у меня – пятилетка.

Нам было о чем дружить, хотя мы все были разного возраста. Юле было 24, и она еще не переживала из-за возраста, Максу стукнуло 38, и он переживал это сильно, ну а я уже почти не переживала и просто жила в свои 47.

А в понедельник мы ходили обедать без Юли, с девчонками и Максом, и это тоже было отрадно, хотя мне и не нравилось место. Это был какой-то пивной ресторан, где днем продавали – нет, не бизнес-ланчи, а отдельные блюда, но в целом получалось дешево и более-менее вкусно. Я выбирала что-нибудь вегетарианское. Еда была грубой, пересоленной, как готовила бы от всей своей широкой души наша деревенская бабушка, уверенная, что уж она-то знает, как повкуснее.

Во вторник я поняла, что если не реанимирую себя хоть чем-то, то окончательно свалюсь со своими соплями. И тогда я пошла обедать одна.

– Ребят, Юль, пошли со мной, я сегодня иду в «Ауру», индийский ресторанчик, мы его вчера проходили по дороге, и я поняла, что мне туда просто позарез надо!

Юля сказала, что она пойдет обедать позже, но в «Ауре» была, ей понравилось. А ребята сказали испуганно:

– Ой, индийское все острое, ой, это уже слишком экспериментально... Пошли лучше в KFC.

И они пошли в KFC, а я улетела в Индию. Передо мной, над входом, висела растяжка с Гималаями, к стене были прикручены огромные янтры под стеклом. Еда была едой. Наконец-то нормальной едой. В меню значилось на выбор два

бизнес-ланча – мясной и вегетарианский. Оба были индийскими. Ко мне приехала лепешка, похлебка из чечевицы, салат типа фунчозы и плошка риса. И еще – я забыла телефон. Вот это было счастье. Сидеть и есть индийскую еду без телефона. Не пытаюсь сбежать из момента настоящего. Это было спасением от учебы, насморка и постоянного внутреннего вопроса, туда ли я иду, надо ли мне сюда... Да потому что в мебельном салоне не было янтр и мандал, в салоне меня окружали медицинско-белые античные колонны с позолотой на завитках. Позолота называлась патиной, а вот завитки не знаю, как назвать. Простите, Ольга. Я вспомнила, как Ольга жестко поправила Дашу, которая сказала «багет» вместо «карниз». А Михаил, наверное, стрелял бы за «раковину» вместо «мойки». Он выходил из берегов и распался:

– Нет такого слова, раковина, забудьте его, есть только мойка!

Но тренер Михаил нас ждал после психолога Сони, тогда еще мы совершенно не представляли, что ждет нас на обучении дальше и могли думать только о первой аттестации и о том, что к ней надо сделать еще один блок СДО.

«Аура» на полчаса отключила от всего этого. В окне стояла статуя Будды, вверху работал сильный вентилятор и казалось, что прохлада спускается с горных пиков. Благодарность к этому месту и этой еде так переполнила меня, что я попросила книгу отзывов у официанта индуса. Ну вот почему бы не сказать спасибо создателям? Ведь им же будет

приятно знать, что они находятся на своем месте, что они радуют людей существованием своего ресторана. Благодарность – это так важно, это иной раз важнее финансовой благодарности. Это такой поток любви, который ты передаешь от сердца к сердцу, и оба сердца начинают биться радостнее. Официанта звали Джейси, это был невысокий высушенный индус средних лет, он принес мне книгу отзывов и неплохо говорил на русском:

– О, вы не едите мясо? Я тоже дома не ел мясо. Когда был карантин, помните, вот я уезжал к себе в Индию. У меня там дом, земля, и я выращивал кабачки, капусту, морковь. Там тепло, зачем мясо, мы несколько урожаев собрали, я ел только овощи.

Джейси говорил, что если кому надо, то он умеет делать индийский массаж, а я предлагала ему искать через нашу «Добрую Работу» работников или работу. Он написал мне свой телефон на бумажке и записал мой. А потом я прилетела инялись контактами, и я прилетела из внезапного отпуска в «Румер». Этот обед действительно спас меня, наполнил ресурсом, чтобы не заболеть. А вечером я вышла из метро и спросила свое тело:

– Я вижу, о чем ты мне сигнализируешь, я знаю, что ты хочешь отлежаться и что ты сильно устало, я все понимаю, но сейчас положить тебя дома не могу. Скажи, что я могу для тебя сделать?

И тело сказала:

– Хочу в горячую ванну!

Так я и сделала. И на завтра я почувствовала себя лучше.

На следующий день я нашла еще одну индийскую кафешку в самом «Румере», потому что «Аура» хоть и хороша, а 490 рублей за бизнес-ланч каждый день я тратить не могу. Так что поела чечевичного супа с плоской риса за 230 и тоже осталась довольна. Кафешка «Куркума» располагалась на модном фудстрите в «Румере», и в ней тоже работали индусы. Два молоденьких парня и один индус постарше готовили лепешки в печи или делали блюдо, когда им командовала бледная русская девушка с пепельными волосами: «Уан масурдал, ноу спайси». А когда они сдавали заказ, то молодые забирались на ящик типа холодильника для мороженого и сидели, поджав ноги, как обезьянки. И тусоваться с ними было приятнее, чем подниматься в свой белоколонный помпезный салон, предназначенный совсем не для тех, кто любит есть руками и забираться на ящики с ногами. «У нас кухни премиум-класса, вы должны это понимать и соответствовать», – наставляла нас Ольга.

Ольга была строга и категорична, в салоне же все делили на два, а то и на три. Ходили кто во что горазд. И в кроссовках, и в клетчатых рубашках. Да и к клиентам отношение было не как к ВИП-персонам, а как к «шел бы ты в другой салон, у меня и так тут много работы». Может поэтому они и набирали новые группы каждую неделю, а продавцов все не хватало. По каким причинам старые продавцы уходили,

и новые продавцы уходили? На эти вопросы у тех, кто был по ту сторону мебельной фабрики, была заготовлена мантра: «Все зависит от вас».

И нам оставалось лишь выбрать – доверять или не доверять. Девочки выбрали доверять и тоже стали повторять: «Все зависит от нас». Я отчаянно сомневалась, но все же продолжала учиться.

В «Румере» было немного легче, чем в академии, хотя на ноутбуках время тянулось меедленно-меедленно, и музыка из динамиков ТЦ успокаивала, убаюкивала, она играла целый день для редких покупателей, а слушали эту колыбельную продавцы. И мне надо будет слушать ее по 12 часов в день. Музыка повторялась, я уже узнавала отдельные кусочки. Мозги отказывались работать. Надо будет принести наушники.

В четверг я уже поделила Ольгу на три и приехала на стажировку на самокате и в наушниках. Наконец-то я осмелела и позволила себе жить так, как хочется мне, жить своей обычной каждодневной жизнью, не изображая из себя Белый-Верх-Черный-Низ и не стыдясь своего вегетарианства.

Глава 8

Юхууу! Мы с Эриком едем в садик. Он – на синем беговеле, я – на синем взрослом самокате. Мы ездили так каждый день до того, как я вышла на учебу. А тут я решила добираться «Румера» на автобусе и потому снова встала на самокат. И это было прекрасно. От автобуса до «Румера» дорога пролегала по укрытому зеленым бульвару. Немного под горку. Так, что даже не приходится разгоняться. Стоишь и едешь в светлое будущее.

Именно так я всегда ощущаю себя на самокате. Будто я непременно еду в светлое будущее, и теплый ветер играет с моими кудряшками. А с музыкой в ушах я и вовсе еду уже по светлomu будущему. Как же хорошо, что я купила себе самокат. Он лучше роликов, он лучше машины. В них я чувствую себя неуверенно. На роликах я не умею нормально тормозить и поэтому боюсь разгоняться, а в машине – ну я даже брала два урока вождения в этом году, чтобы освежить в памяти свои права, которые я получила лет 10 назад, получила и положила на полочку. Но машина – это совсем другое. Самокат дает мне и ощущение радостной скорости, и ощущение контроля. Я знаю, что я всегда могу разогнаться и остановиться задним тормозом. И что я не разгонюсь так, чтобы было больно падать. Я притормаживаю, когда не уверена в ровной дороге, или когда не вижу, что там за припар-

кованными машинами, или когда впереди человек с собачкой на длинном поводке. При этом ролики, как говорил один мой друг, дают ощущение адреналина только поначалу, а потом ты уже не испытываешь такой радости. Самокат же радуется меня каждый раз. Каждый день. Ощущение толчка, ощущение тормоза, ощущение ветра. Мне даже нравится, что я слегка пугаю прохожих, они оборачиваются посмотреть, что это там сзади гроыхает. А он действительно гроыхает, как скейт, на неровностях и низких поребриках, которые я пере скакиваю по дороге.

Вселенная, если ты слышишь меня, ты послушай: «Я хочу именно такую скорость жизни!» Чтобы успевать обрабатывать входящие данные, чтобы успевать решить, куда повернуть, и всегда приостановиться в случае потенциальных угроз. Сейчас в моей жизни не так. Сейчас поток слишком быстрый, и я не успеваю затормозить. Нужно решить быстрее, нужно сделать больше, нужно не останавливаться вообще, а лавировать между собачками, бегающими детьми, выскакивающими из-за угла машинами и пригибаться, уворачиваясь на ходу от слишком разросшихся деревьев над дорогой. От жизни такое ощущение, что она тащит тебя, она бежит впереди тебя, а ты только потом догоняешь, осмысливаешь, связываешь воедино разрозненные кусочки событий. Я не успеваю сама за собой – вот какая скорость у меня обычно.

Обычно – это еще до учебы, это вообще такая скорость,

каждый день, а учеба – это для меня совсем быстро и без тормозов вообще, и это совсем не веселое путешествие, а неумолимое падение в воронку продавцов, где на выходе меня ждет каменная плита, надгробие, столешница.

Глава 9

Буквально с первых же дней учебы мне стали сниться почему-то столешницы. Каждую ночь. Сны были муторными и терзающими, я билась со столешницами и пыталась считать. Мне снилось, что я где-то посередине воронки болтаюсь в кособоком пространстве и рассчитываю столешницу – вертикальную кривую стену. Как, как ее можно рассчитать? Когда не за что зацепиться и не от чего плясать. Математика возможна в случае исчислимых отрезков, а тут – что считать началом и что с чем складывать? Как вообще определить границы, как отделить Я от не-Я? Где стена, а где уже столешница? И можно ли быть столешницей, когда от тебя хотят, чтобы ты была невыразительной стеной?

Однажды я проснулась с ощущением, что мы все трое – я, ребенок и муж – плывем по темному несформированному хаосу на столешницах, и во сне я лежу и размышляю:

– Интересно, а нормально мы уместаемся, если глубина столешницы 600 мм?

Я не знаю, откуда возник во мне этот образ, но столешница стала для меня очень многомерным символом: подсознательным страхом плотного материального мира, который может убить меня как дух, символом надгробия, каменной плиты на могиле, апофеозом плотности мира. До этого я жила в мире идей, в мире слов и цветов, в мире звуков, из кото-

рых могли складываться рассказы, картины или мелодии. Но никогда еще я не погружалась в такие миры, где из нескольких кусков ДСП и фасада из МДФ никаким не волшебным образом, не спонтанно, а очень даже логически и ожидаемо, появлялся на свет верхний модуль с двумя распашными дверками или нижний модуль под мойку. И ставить его надо не куда мне захочется, а туда, где в помещении выведена водопроводная труба.

Это был антимир с четкими материальными законами, и я погружалась в него по мере уплотнения материалов. От фасадов из разных форм дерева – от древесных опилок до цельнокройного фасада из шпона или рамок из массива – до столешниц. Столешниц мы коснулись вначале совсем немного, на стажировке Юлия дала пощупать реальные образцы. Столешницы тоже имели разную плотность. Начиналось их уплотнение с ламинированных древесно-стружечных плит (для меня это единственный возможный выбор, только они могут дать мне и рисунок, и текстуру натурального дерева). Затем шел искусственный камень, потом кварцевый агломерат. Кварц считается одним из самых твердых материалов на земле. Вот он, мой предел. Чтобы стать продавцом, я должна обладать твердостью кварца, а не болеть от каждого «не своего» материала.

И я вступила в бой со столешницами на втором этапе.

Первый же этап закончился аттестацией: каждому выдали свой гарнитур для устной презентации, и потом все ходили

по одному в другое помещение. Первой пошла отличница Ирина, я – за ней. И вот я стою и показываю воображаемому клиенту на воображаемый гарнитур, описывая его преимущества и нахваливая нашу компанию. Вроде ничего не забыла. Зачет. И я иду делать общий для всех проект в программе. И его к вечеру мы все доделываем. Завтра у нас по программе – тренинг по продажам. А уже после него по сумме баллов за обе части первого этапа – начисление стипендии.

На тренинге я прямо выдохнула и снова почувствовала себя не летящей головой в столешницу, а вполне себе живой.

Тренинг вела такая же птичка, как я.

– Здравствуйте, – энергично впорхнула она в аудиторию. – Меня зовут София. Но можете звать меня Соня, и лучше сразу на «ты», ладно, никто не возражает?

Соня была «такая миленькая», как любит говорить Эрик. Она осталась одним из светлых воспоминаний об учебе. Соня играла с нами, как с детьми, и это было классно. Может быть Соню выдавали уцелевшим сперматозоидам продавцов в подарок, чтобы они не загнулись от продукта окончательно. За время стажировки от нас отвалились Эдгар, Ирина и Даша. А у Эмилиии во время аттестации слетел проект, и она сидела до упора, но не успела сделать его еще раз. Она не сдала. И пришла на следующий день к Соне в черных очках, с припухшими от слез глазами, дерганая, на валерьянке.

Шестеро выживших наконец-то сидели не за компьютерами, а просто полукругом на стульях. К нам добавились

еще трое, проходящих обучение экстерном, потому что у них уже есть опыт в продажах кухонных гарнитуров или просто в продажах. Вчера они сдавали с нами аттестацию по продукту, но познакомиться нам было некогда. Сегодня о себе рассказывали все. И мы, и они, и Соня. Она была коучем, психологом и энергопрактиком. Света – из тех, кто экстерном, – ведическим астрологом. Я – арт-терапевтом, отучившимся на двух курсах в прошлом году, но так и не осмелившимся преодолеть «синдром самозванца». Соня была моим штрихом, более реализованной версией меня, и у нас действительно было много общего, включая любовь к красоте и нелюбовь к ежедневной готовке. Готовить мы обе любили редко и лишь по собственному желанию.

Соня объясняла нам азы психологии и НЛП для работы с клиентом. Сопротивление возникло у Насти и Светы. Ведическая Света выскочила вечером с гневным лицом и фразой: «Не надо вторгаться в мое личное пространство, я тут осознаннее многих...» и на следующий день заболела. А Настя ушла в глухое молчание с первых же сектантских «давайте сядем в круг и познакомимся». Настя вообще не понимала, зачем нам нужно учиться скриптам продаж и почему нельзя просто продавать кухни. Настя не понимала правил игры. Я была тихо против правил, но правила я понимала.

Два дня мы проходили технику продажи в салоне и четыре вида звонков. По ходу играли в деловые игры. В одной игре я даже выиграла 4 карточки, а девчонки по 2. Задание

было попасть на корабль, который плыл в страну исполнения желаний, и капитан набирал команду по неизвестному принципу. «Я стану вести бортовой журнал». – «Да, я беру тебя». – «Я буду смотреть за порядком на корабле». – «Да, беру». – «Я буду нести ночную вахту». – «Нет, не нужно».

Оказалось, что капитан брал каждого третьего предложившего, а я просто чаще всех пыталась. За последние месяцы я научилась пытаться вновь и вновь, подавая резюме на «Хедхантере», развивая «Добрую Работу», создавая себе социальные норки в качестве арт-терапевта, научилась даже прыгать в пропасть и начинать совсем новое, лишь бы попасть на свой корабль мечты.

Техника продаж была пройдена за два дня, и еще один день мы сдавали болтологию. До обеда каждый отыгрывал работу на выставке: разыгрывал сценку с пришедшим в салон клиентом, которого играл другой учащийся, задавал вопросы по списку (не подглядывая в список), не забывал предложить чай-кофе, добыть контакты, поработать с возражением «дорого» («А где вы еще считали?» и «На какую сумму рассчитывали?») и отказом произвести наш замер («У меня есть прораб, он все замерит». – «Это замечательно, что у вас есть надежные люди. А если кухня не встанет, то кто будет нести ответственность? Тоже ваш прораб?»). Так, еще не забыть соврать на входящем телефонном звонке: «Дайте, пожалуйста, свой номер телефона, а то у нас сегодня технические неполадки на линии, связь в любой момент может пре-

рваться, и я смогу вам перезвонить».

– Сонь, а почему мы не можем просто воспользоваться определителем номера?

– Надо, чтобы клиент сам дал нам свой номер телефона.

И мы болтали и болтали друг с другом по скрипту. При этом если я начинала слушать, что говорит клиент, я забывала скрипты напрочь, а если помнила про скрипты, то отключалась от клиента. Так было практически у всех. Так бывает и в жизни. Если начинаешь уходить в свои скрипты, то отключаешься от потока, от того, с кем ты рядом, а если погружаешься в маленькие повседневные радости, то забываешь про скрипты.

Уф, у меня язык устал говорить без перерыва несколько часов. Сдали. Сдали практически все. Насколько же было приятнее болтать, чем строить цоколи и карнизы. Может быть даже я хороший продавец. Лучше, чем дизайнер.

Вот было бы действительно здорово, если бы наши будущие телефонные разговоры с рабочего телефона не прослушивала служба контроля качества. Если бы не выставление нам баллов за то, что мы забыли спросить: «Удобно ли вам говорить?» Если бы не видеонаблюдение в салоне за каждым нашим шагом. И какие-то там даже штрафы за то, что пришел на работу не в 9:50, а ровно в 10:00. Учет ведется по приложенному на входе пальцу. «Всем идти на пальцы», – слышали мы в коридоре академии, когда еще были новобранцами во взводе Ольги, а звали «на пальцы» тех, кто уже прохо-

дил третий этап.

Все это пугало меня, и я постоянно ходила с насморком, который не прекращался, просто затихал, а потом начинался с новой силой. В это время в семье ребенок глухо болел аденитами. За месяц моей учебы он проходил в садик дня три или четыре. А я отлетела так, что даже на обеде не звонила и не писала мужу. Муж работал дома. Муж изначально дал согласие на мою учебу:

– Что ж, может быть, ты действительно будешь хорошим продавцом, пробуй.

Он дал мне шанс и сел с работой и ребенком, как я сидела в прошлом году. Он готовил еду. И я не помню, что это были за блюда, я просто была благодарна за то, что еда есть. Любая. Еда была готовой и теплой, и это было пределом мечтаний. Спасибо тебе, дорогой муж, я тебе искренне благодарна!

В какой-то момент муж ушел с работы и продолжил сидеть с ребенком и учиться. Он, конечно, хотел бы доучиться и потом искать работу по новой профессии, но сложилось так, что начальник сделал ему такое «выгодное» предложение, что у мужа не осталось бы времени на учебу. Это своими руками закопать мечту, отложить себя в дальний угол.

Недавно катила на самокате в аптеку за очередными лекарствами ребенку. И думала: почему так устроено, что в семье кто-то должен на время исчезать, стирать себя, чтобы кто-то другой в это время мог жить. Когда ты один, то таких

вопросов не возникает, но как только вас двое – приходится идти на уступки, не делать то, что хочется, или делать то, что не хочется. А если вас трое, то двое стирают свои желания ради третьего, самого маленького, самого любимого. Который тоже пытается стать невидимкой: «Пап, извини, что я отрываю тебя каждую минуту, но можешь посмотреть, что я придумал из Лего?», «Мам, я знаю, что ты работаешь, но ты не могла бы включить мне новую сказку?»»

Но все эти размышления были позже, а вначале мне нужно было долететь до своей столешницы, до дна, до удара головой об крайнюю для себя степень плотности мира. Бамц!

Глава 10

Бамц случился на втором этапе. Когда в аудиторию зашел наш новый тренер Михаил и сказал, что весь второй этап будет посвящен столешницам. И тут я даже поняла, почему я их так боялась – оказалось, их надо считать. В квадратных метрах, в погонных метрах, в слэбах, в евро, переводить в рубли и умножать на 5 процентов. Я научилась пользоваться калькулятором.

С одной стороны, я испытала радость туземца, никогда не видевшего математики, – и туземец справился! С другой – тошнота от всех этих расчетов и собственной тупости, и невнимательности. Я была самой гуманитарной в группе – я не могла посчитать цоколь, карнизы, высоту от пола до верхних модулей, если знать, что цоколь 120, а нижний модуль 720, столешница 40. Простите, математики, левополушарные гении, я чувствую себя реально человеком с расстройством мозга, у которого цифры пляшут и им неважен порядок, я справлялась с непослушным калькулятором и пересчитывала раза два то, что другие делали в уме или с первого раза. Да, я прокачала волю, не сдаваться, не бояться быть глупым, задавать и задавать свои идиотские вопросы. Особенно Михаилу, который:

– Ты серьезно? Это математика третьего класса школы. Вы меня угробить хотите... А ты проблемная, как я погля-

жу...

Да, черт возьми, я слегка туповатый форест гамп.

Я глотала слезы, стоящие комом в горле, и снова и снова строила столешницы.

И ладно бы сами столешницы, но дело было в самом Михаиле. Это был средних лет парень со светлыми волосами в длинном хвостике, он энергично бегал по академии, и я до этого думала, что он сисадмин. Эдакий повзрослевший рокер с юной душой и раздувающимся от возраста телом. В чем-то он тоже был моим штрихом. Я так же, как он, не хотела взрослеть, я тоже бегала питером пэном без возраста, только уже не курила, не ела мяса и не раздувалась от возраста, а наоборот выглядела и чувствовала себя все лучше. Так что если это и был мой штрих, то со знаком минус, — штрих, по дороге которого я совсем не хочу идти.

Михаил приехал из провинции, где начинал работать дизайнером кухонь и огреб первый негативный опыт, потом работал в Москве (я им продал без скриптов больше в два раза, на спор, а они меня уволили, и не заплатили, предъявив мне мои же записанные телефонные разговоры с личного номера, скоты, фээсбэшники...), потом на нашей фабрике дизайнером-технологом (я знаю тут всю подноготную и кто тут как работает...), а теперь перешел в академию (я три года не был в отпуске, потому что отпускные дают из официальной зарплаты в 20 тысяч, а оно мне надо?) Он говорил «я токсичный» и «я в некоторых группах девушек доводил до слез», но

«вы спрашивайте, не бойтесь задавать вопросы, лучше спросить сейчас, чем когда вы уже будете работать». Я не выдержала:

– Михаил, да мы боимся задавать тебе вопросы. Мы же на каждый вопрос огребаем.

– Что? Не одна Ольга так думает? Вы правда меня боитесь?

– Да, – смущенно шепчет второй ряд.

При этом Михаил в принципе не злобный, мировой парень, можно сказать, и знает много, и рассказывает понятно. Но вот как-то все в жизни непреодолимо мрачно, и только и защищаться цинизмом, только и хорохориться подколами. Я уперлась в путь Михаила даже сильнее, чем в сами по себе столешницы. И туда не пройти. До конца второго этапа остался один день, когда брюхо самолета у метро показалось мне невыносимо холодным.

Глава 11

Через день позвонила директор академии:

– Ольга, ты скажи тогда, когда выздоровеешь, мы переведем тебя в 11-ю группу.

– Ой, Зарина, знаете, я, наверное, совсем не буду продолжать обучение.

– Правда? А почему?

– Ну, у меня ребенку пять лет, у него аденоиды, он постоянно болеет и пока не отпускает меня на работу. Видимо, мне придется еще посидеть с ним и поискать что-то удаленное.

– Понимаю. Ребенок – это важно. Ну что ж, жаль.

– Мне надо приезжать подписывать бумаги о прерывании обучающего договора?

– Нет-нет, мы сами все сделаем. Выздоровлявай!

И это все? Муж боялся, что меня эта фирма так не отпустит. И облегчение, и ошеломление, и неприятная пустота внутри. Вроде бы закончилось хорошо, вроде бы я спаслась и не попала в эту машину по перемалыванию индивидуальности продавца в угоду безличному клиенту, с которым нужно общаться универсальными скриптами. Но человекомешалка поехала дальше с теми, кто сделал свой выбор остаться. А их в группе 09 осталось четверо – Настя, Володя, Карина и Маша.

Случайно отстал Макс, у которого мама попала в больницу с инсультом, на следующий день ей сделали операцию, а еще через день выписали из больницы. Макс пошел доучиваться в 11-ю группу, там же оказалась и Даша-с-ногтями, и Эмилия, которая «да не хочу я возвращаться в этот долбаный ЦУМ продавцом детской одежды, у меня там потолок в 80 тысяч, а здесь я могу и 200 поднять, все зависит от нас».

Глава 12

На полочке в коридоре лежит конспект Сониной лекции. Читаю: «Люди покупают у людей». Господи Боже, если это так, тогда почему, Сонь, ну почему из нас, таких живых и душевных, вытравливают искренний интерес к клиенту и работе и вставляют фанерное сердце? Если мы будем фальшиво улыбаться («Помните, вашу улыбку слышно!») и говорить по скрипту, то у кого будут покупать люди? И какие это должны быть люди?

Я сижу и пью дымящийся черный чай. В чашке плавают четыре крупных зеленых семечка. Это кардамон. Его запах уносит меня в израильскую пустыню с редкими деревьями, под одним из таких деревьев я когда-то пила кофе с таким же запахом на топчане у бедуинов. А ведь до этой учебы я и не знала, как выглядит кардамон. До этого я видела его только в молотом виде. Фото этих семян прислал мне Джейси из «Ауры», когда я написала ему, что насморк так и не проходит и напомнила, что он обещал прислать мне фото травок, которыми он сам себя лечит от насморка.

На фото на блюдечке лежали гвоздика и эти странные зеленые семена. Теперь у меня дома стоит баночка с ними. Как память об Индии, до которой я все не доеду. До которой я почти доехала в январе этого года. Мы провели отпуск в Шри-Ланке, и я так рвалась туда, что даже пожертвовала стабиль-

ной работой. И этот путь был для меня правильным, единственно возможным, а вот головой об столешницу – совсем нет. Я бы хотела продавать кухни в маленькой компании вегетарианцев, которые берегут природу, сажают деревья взамен использованных, применяют экологичные технологии и материалы, где нет скрипов, а царит доверие, душевность и все приносят друг другу радость. И на самом производстве работают счастливые люди, которые наполняют своей энергетикой каждую деталь той мебели, которая будет стоять на кухне нашего клиента.

Я рассказывала об этой мечте молоденькой девочке-дизайнеру из Питера. И она назвала меня мечтателем. Что ж, пусть так, я мечтатель. Я сижу и пью дымящийся чай и возвращаюсь в жизнь слабой щепкой. Я пытаюсь вспомнить, на чем я остановилась перед тем как упасть. На аденоидах? Окей, записываем ребенка к ЛОРу, лечим дальше. На муже? О, как я рыдала в минуты слабости, что хочу, хочу принести пользу семье, это моя ответственность. А муж говорил: «Учись, учись, я прикрою». И сам учился, и работал, и варил суп. А теперь с какой радостью я варю суп ему и ребенку.

Глава 13

Я вылезла из своей воронки, а тут – мир уже не тот. Он с февраля этого года не тот, как только мир внезапно разделился на эту и ту сторону. А стадия отрицания, страха, гнева уже давно переросла в будничное ожидание пи*деца. Невозможно долго находиться в состоянии стресса, это научно доказано, это на уровне выработки гормонов. Не выдерживает человек больше 10 дней или что-то около того. После этого он перестает так остро чувствовать, привыкает. И мы привыкли. Привыкли к тому, что где-то там умирают люди, что там происходит что-то дикое и страшное, но понять, что именно, – невозможно абсолютно ни с какой стороны. Я перестала орать, что я за мир во всем мире, и охреневать, что в век таких высоких вроде бы вибраций люди ведут себя, как обычные дикие племена с борьбой за власть, земли и ресурсы. Ничего не меняется в этом многовековом зверином духе охотника, сильнейшего, который надел штаны и пиджак, и вместо деревянной дубинки у него дубинка ядерная. А я ощущаю себя одуванчиком на ветру, и у меня нет слов, просто нет слов. И до сих пор их нет. Остается только смотреть, как рушится мой хрустальный тонкий мир, и констатировать факты.

Сегодня у нас с мужем заблокировали на бирже американские ценные бумаги.

Одни наши друзья улетели в Турцию.

Еще одни друзья тихонько покрикивают от возмущения в рамках дозволенного «ВКонтакте».

«Фейсбук»¹ отменили.

«Инстаграм»² нелегален.

В мае я уходила из «ВКонтакте», где делала «Доброй Работе» новый дизайн. Делала я его в «Канве». Вчера решила продолжить, а «Канва» с 1 июня не дружит с Россией. Так, а «Тильда»? Дружит. А «Фигма»? Тоже дружит. Уф.

Такое ощущение, что ты бежишь маленькой фигуркой по шахматной доске, где квадратики твоего пути в любой момент могут исчезнуть, и тебе срочно нужно перепрыгивать на соседние. Никакой стабильности, и постоянно как канатоходец – приходится лавировать, подстраиваться под настоящее, продолжать варить суп и водить ребенка в садик в этой стране, пока ее еще не отменили. Тратить оставшиеся накопления, пока и их не отобрали, как доллары. И искать работу. И делать дизайн «Доброй Работе».

Я сажусь за компьютер с ощущением, что передо мной столешница. И от этого комок в горле. «Я не смогу, я никто, я не дизайнер, лучше попросить кого-то сделать мне дизайн». «Ничего, соберись, ты можешь, вспомни, как ты можешь, бери и делай». И я беру и делаю не вставая за шесть часов. Потом посылаю двум дизайнерам на посмотреть, и обе говорят:

¹ Сеть признана экстремистской и запрещена в РФ.

² Сеть признана экстремистской и запрещена в РФ.

– Это хорошо, это свежо и легко смотрится.

Спасибо, столешницы! Вы научили меня работоспособности.

А на следующий день я села за компьютер и из меня брызнул фонтан слов. С той же силой, с какой я вгрызалась в плотный мир, меня вынесло в мир творческий. И я только тут поняла, что спускалась в ады за материалом.

Вот это «Путь художника», вот это книга. Когда я начала ее проходить, у меня действительно был творческий тупик. Я умею рисовать, но не хочу, я умею писать тексты, но не хочу, я умею играть на гитаре, синтезаторе, варгане, но не хочу. Мне не жилось, я тлела, а теперь горю! Я стала извергающимся вулканом эмоций, которые надо успеть облечь в слова, пока лава не остыла. Пока эти события еще помнит тело. Я чувствую, как столешницы остывают, с каждым днем на эти воспоминания наплывает новая волна ощущений и смывает всю остроту и боль предыдущих.

И вот сейчас у меня ощущение, что я качусь на синем самокате в своем размеренном темпе и счастлива каждый день ехать на нем в светлое будущее, где мой ребенок вырастет умненьким и здоровеньким, где мы будем жить на своей земле в своем доме и рядом будут мои любимые сосны. И хотелось бы, конечно, море, но это уж как получится. И будет у нас самая любимая, самая добрая работа, самый прекрасный дом, самое теплое солнце, ведь бог любит нас, каждого из нас. И мы все достойны счастья на этой планете.

На днях мы купили ей два дерева в проекте «Посади лес». Конечно, этого мало, но хоть что-то.

А пока мужу снится, что ему вставляют иглу в вену и голос сзади говорит: «Не волнуйтесь, мы делаем это для вашей же безопасности, вы же понимаете...».

И еще ему снится, что они стоят с малышом за руку и смотрят, как поезда с танками едут по мосту.

Москва, 2022